

И. В. Пустовойт

Университет Хофстра, Нью Йорк, США

РУССКИЙ ЯЗЫК В ГЛОБАЛЬНУЮ ЭПОХУ: ДВЕ СТОРОНЫ МИРОВОГО СТАТУСА

Розглянуто процеси, які пов'язані зі статусом російської мови у сучасному світі, відцентрові та доцентрові тенденції на пострадянському просторі і у російськомовних діаспорах за кордоном. Також розглянуто досвід англійської як світової мови, регіональне варіювання й нейтральність світової \ англійської. На прикладі російськомовної діаспори Америки проаналізовано процеси мовної інтерференції, вектори лексичних запозичень, питання білінгвізму й викладання в умовах далекого зарубіжжя. Розглянуто поняття культурного імперіалізму як стосовно англійської, так і російської мов.

Ключові слова: світова мова, діаспора, білінгвізм, лексичні запозичення, культурний імперіалізм.

Рассмотрены процессы, связанные со статусом русского языка в современном мире, центробежные и центростремительные тенденции на постсоветском пространстве и в русскоязычных диаспорах за рубежом. Также рассмотрен опыт английского как мирового языка, региональное варьирование и нейтральность мирового английского. На примере русскоязычной диаспору США проанализированы процессы языковой интерференции, векторы лексических заимствований, вопросы билингвализма и преподавания в условиях дальнего зарубежья. Рассмотрено понятие культурного империализма как в отношении английского, так и русского языков.

Ключевые слова: мировой язык, диаспора, билингвализм, лексические заимствования, культурный империализм.

The article examines the processes, related to the status of Russian language in the contemporary world, centripetal and centrifugal tendencies in the post-Soviet space and in Russian-speaking diasporas abroad. Also examined is the experience of English as the world language, its regional variation, and neutrality of the World English. On the example of the Russian-speaking diaspora of the US, the processes of language interference, vectors of lexical borrowing, issues in bilingualism and the language instruction far abroad are analyzed. The article also touches upon the notion of cultural imperialism in regard to both Russian and English languages.

Keywords: world language, diaspora, bilingualism, lexical borrowings, cultural imperialism.

Статус мирового языка, помимо престижа и признания во всем мире, имеет и обратную сторону. Русский язык, международная роль которого значительнее, чем у языков наций-государств, претерпевает значительные изменения в эпоху глобальных перемен. Региональное варьирование, лексические и грамматические инновации следует рассматривать не как симптомы кризиса, а как признаки развития. Тоталитарное мышление языковых пуристов так же губительно для лингвистической науки, как и попытки сузить роль русского до языка нации, особенно на фоне глобального наступления на гуманитарные науки.

Неудивительно, что подобная нестабильность вызывает защитную реакцию. Наиболее известные из опубликованных за последние годы монографий, посвященных сопоставлению русской и американской культур, фокусируют свое внимание на конфликте культур и парадоксах межкультурного общения [1; 2]. То, что с древних времен представителей других культур обозначали слова с негативной коннотацией: *варвары, немцы, чужеземцы, иностранцы*, есть не что иное, как

зафиксированная в языке ксенофобия, и лингвистическое исследование, полагающееся на военную метафору «культура – это щит, охраняющий национальное своеобразие» недалеко уходит от этой традиции. Глобальные процессы, доминирующие ситуацию в современном мире, ведут не только к конфликтам, лежащим на поверхности, но и к глубинному пониманию необходимости компромисса. Культура должна не отгораживаться от других, а демонстрировать приверженность общечеловеческим идеям и ценностям. Научный анализ лексико-грамматических особенностей и концептуального воплощения категорий и понятий отдельного языка не следует проводить под эгидой «защитим и сохраним свое родное». Русский язык не утратил суверенитет ни от иностранных вторжений, ни от иностранных заимствований и стал мировым языком не только в результате имперской политики, но и благодаря культурным достижениям тех стран, которые обслуживал. Культивировавшийся в течение столетий военный патриотизм – это всего лишь один из источников патриотизма. И если в условиях кризиса экономический патриотизм становится проблематичным вне зависимости от уровня жизни в конкретной стране, то роль культуры, обычаев, традиций и ценностей, наоборот, возрастает: в современном мире наблюдается рост национальных предпочтений, к сожалению, нередко уходящих от культурно-этнического патриотизма к крайним своим формам: шовинизму и ксенофобии [7].

В таких условиях роль специалистов в области русского языка становится особенно сложной, если не двусмысленной. Во-первых, существует постоянная угроза быть втянутыми в политические распри. Во-вторых, приходится признать существование конфликта поколений, характеризующегося консерватизмом старшего поколения и языковыми предпочтениями молодежи. Наконец, на предыдущие два фактора наслаивается конфликт между космополитизмом более образованной и профессионально состоявшейся части населения и консерватизмом менее образованных слоев. Парадоксальность ситуации в том, что осуждая инновации, языковеды становятся на сторону слоев населения, наиболее далеких от академических.

Сложность социально обусловленных процессов, влияющих на развитие и функционирование русского языка в современном мире, проявляется в сосуществовании и взаимодействии казалось бы взаимоисключающих тенденций. На постсоветском пространстве наиболее ощутимы центробежные тенденции, которые выражаются в политически обусловленном региональном варьировании, в возрастном варьировании, связанном прежде всего с развитием новых технологий, и наконец, с социальным варьированием, обусловленным расслоением общества.

Однако при взгляде извне возникает совершенно иная картина: в русскоязычном зарубежье ощутим центростремительный процесс, при котором различные этнические группы объединяются исключительно на основе своей русскоязычности. То, что я когда-то назвал «содружеством независимых эмигрантов» [3], – реальность для большинства мест компактного проживания выходцев с пост-советского пространства. Уже сам факт компактного проживания, характерный для больших групп иммигрантов, говорит о стремлении поддерживать культуру исконной страны, даже если эта страна претерпела значительные изменения в последнее время. Для миллионов русскоязычных, оказавшихся в США преимущественно по политическим и экономическим причинам, единство культуры оказывается важнее национальной и социальной самоидентификации. Русские районы, подобные Брайтон Бич в Нью Йорке, представляют собой удивительный контраст: старые запущенные дома для малообеспеченных слоев населения, преимущественно недавних иммигрантов и пожилых людей, не особо стремящихся интегрироваться в американскую культуру, соседствуют с престижными ново-

стройками с дорогими апартаментами: социальный успех лучше виден на фоне менее удачливых соотечественников. В дополнение к этому на смену еврейско-одесской субкультуре третьей волны эмиграции пришло вавилонское столпотворение пост-советской – смешение культур, языков и обычаев различных этнических групп с территориями бывших союзных республик. Извне все они воспринимаются как единая русская диаспора, как русские. Так же как и американский, этот русский «плавильный котел» оказывается при ближайшем рассмотрении «салатом», состоящим из многочисленных этнических и региональных ингредиентов. При всей сложности процессов национальной самоидентификации в условиях эмиграции, русский язык здесь фактически служит единственным объединяющим фактором. И язык этот заметно отличается от того, что принято считать нормативным.

Для почти миллиона жителей США, считающих русский своим первым языком, характерен достаточно высокий, по сравнению с другими диаспорами, образовательный уровень: практически все представители последних волн эмиграции окончили среднюю школу и около 64 % продолжали обучение после школы в той или иной форме [13]. Таким образом, полученное в процессе обучения знание основ грамматики как родного, так и английского языка не оставляет сомнений в способности эмигрантов проводить четкую грань между этими двумя языками, особенно учитывая фундаментальность различий между синтетическими и аналитическими языками. Высокие карьерно-профессиональные запросы данной группы также сдерживают процесс смешения языков, допуская его лишь в бытовой сфере. Именно бытовая сфера в первую очередь привлекает исследователей: парадокс заключается в том, что несмотря на ее открытость влиянию английского, особенно на начальных этапах адаптации, бытовая сфера оказывается последним оплотом сохранения языка в семье. Так называемые «изучающие наследие» выходцы из русскоязычных семей составляют значительный процент среди изучающих русский язык в рамках университетских программ, и их «кухонный русский» входит в конфликт с учебными программами по русскому языку, ориентированными в первую очередь на формальное общение.

Русскоязычная диаспора США также представляет особый интерес, поскольку оказывается на пересечении двух мировых языков: русского и английского. Роль последнего как *lingua franca* в современном мире общепризнанна. Однако вектор прямого воздействия английского в эмигрантской среде и вектор воздействия английского посредством интернета и СМИ в русскоязычных странах далеко не взаимонаправлены, поскольку обслуживают разные сферы деятельности.

Языковая интерференция в эмигрантской среде наиболее заметна на уровне лексики, и именно этой теме посвящено большинство исследований [4; 5; 10; 12], а также эмоциональных публикаций в периодических изданиях. Следует оговориться, что термин «лексические ошибки» не совсем корректен в данном случае, поскольку англицизмы не всегда замещают русские эквиваленты, да и сам литературный русский язык претерпел немало изменений в последние годы. Кроме того, происходит эрозия понятия нормативности: на смену литературным текстам и словарям, как традиционным источникам легитимности, пришли интернет-ресурсы, моментально регистрирующие любые языковые инновации. Несмотря на противоречивое отношение к заимствованиям, последние не следует рассматривать как акт неуважения к родному языку. Как известно, лингвисты и литературоведы, самые рьяные поборники языковой экологии, зачастую сами являются инициаторами значительного числа иноязычных терминологических заимствований.

Попытки представить процесс лексического заимствования исключительно как средство экономии не дают полной картины, даже если экономия понимается

в наиболее широком смысле. *Такс форм* короче, чем *налоговая декларация*, *кэши* короче, чем *наличные*, *вэн* короче, чем *микроавтобус*, *лиз* короче, чем *договор на аренду*, *моргидж* короче, чем *ипотечный кредит*. В то же время *лоун* не короче, чем *займ*, и *рисит* однозначно длиннее, чем *чек* или *счет*. Помимо элементарной длины соревнующихся лексических единиц, на выбор влияют, с одной стороны, принцип экономии умственных усилий, а с другой – социальный престиж. Именно последний нередко действует в противовес принципу экономии. Все эти факторы выступают во взаимодействии, и зачастую бывает очень трудно определить, что оказало решающее влияние на лексический выбор. Вкрапления типа *Как дела? Бизи? (Занят?)* могут быть оправданы только социальным престижем английского, но никак не стремлением к экономии языковых средств или существующей лексической лакуной.

Необходимость заполнения лексических лакун средствами второго языка выступает как главный аргумент в пользу заимствований. Так, пронумерованные съезды с магистралей в Америке делают слово *экзит* незаменимым для русскоговорящих, вне зависимости от их предыдущего опыта. *Апойнтмент* (назначенный прием) также не имеет однословного эквивалента в русском. Эндрюс [5] указывает, что в английском данное слово также носит оттенок социального престижа, однако, на наш взгляд, данное заимствование в речи билингвов прежде всего заполняет номинативную лакуну.

Помимо общезыковых лакун существуют групповые и индивидуальные границы языковой картины мира. Русскоязычные эмигранты, не имевшие опыта вождения до приезда в США, дополняют свою языковую картину мира, полагаясь исключительно на английские термины, и поэтому даже языковым пуристам требуется дополнительное усилие, чтобы найти эквиваленты понятиям *тикет* (штраф), *виндшилд* (лобовое стекло), *дипстик* (щуп), *боди* (кузов), *спэр* (запасное колесо), и т. д. Вайнрайх [15] указывал на исключительно социологическую природу данной интерференции: общепринятые слова из родной культуры вытесняются в результате того, что билингвы воспринимают данное конкретное понятие исключительно в терминах контактной культуры. Однако, если в вышеприведенных случаях недостаток опыта в данной конкретной области вынуждал билингвов делать заимствования, то такие фразы, как *врач осмотрел энкл* (колени) и *шоулдер* (плечо), *у меня было кэвити* (дырка в зубе) и *дантист сделал филлинг* (пломба), демонстрируют, что в контактных сферах даже лексикон, связанный с телом человека, подвержен замещению. На первый взгляд, данная сфера должна быть наиболее устойчива к изменениям, однако утрата именно этой группы лексики также подтверждена Митуном [8] на примере языка индейцев Каюга.

Нередко заимствования мотивирует необходимость семантической дифференциации понятий родной и контактной культуры: привычный *грузовик* отличается от *пикап трак* (как правило, просто *трак*), пригодного как для легких перевозок, так и для семейных поездок, традиционный *ковер* – не то же, что *карнит*, покрывающий пол от стены до стены. Негативная коннотация слова *подвал* отсутствует в *бейсменте*, пригодном для жилья. Несмотря на существующие разногласия относительно трактовок и употребления слова *траффик* в эмигрантской среде [5, 12], данное слово можно считать образцом семантического сужения. Траффик используется русскоязычными для обозначения замедленного автомобильного движения вплоть до пробки, хотя в английском данное понятие означает просто «движение» и нередко сопровождается прилагательным. Это служит еще одним подтверждением того, что существительные заимствуются значительно легче, чем прилагательные и, особенно, глаголы. Фраза *я нашел хороший дил* (скидка на товар в магазине) используется довольно часто, а *я нашел гуд дил* – практиче-

ски никогда. При этом заимствование дискурсивных слов характерно для всех категорий билингвов, в результате чего наречия *гуд* (good) и *найс* (nice) широко используются при одобрительной оценке явлений и событий. Также зарегистрированы отдельные случаи заимствования наречий *аутсайд* (на улице), *апстертс* (наверху), *клауди* (облачно). Фразы *он просто крейзи* (ненормальный) и *она будет эксайтед* (радостно взволнована) включают субстантивированные прилагательные, не использующиеся в своей прямой функции (ср. **он крейзи человек*).

Лексические заимствования выполняют ключевую роль в самоидентификации русскоязычных американцев, сходную с любым другим групповым жаргоном. Особенно наглядно эта групповая самоидентификация проявляется, когда русские американцы, посетив Россию или страны СНГ, обращают внимание на заимствования из английского, не присущие их социуму. Так, привыкнув использовать слово *гросери* (grocery) или конкретные названия сетей универсамов, они воспринимают слово *супермаркет* как чуждое. Сходным образом, *джип* воспринимается как марка, а не тип автомобиля.

Можно утверждать, что до тех пор, пока влияние английского сводится к заимствованию существительных, русский язык эмигрантов не подвержен серьезной угрозе. Следующий этап – глагольные образования *драйв-ать* (водить машину), *сейв-ать* (сохранять). Их наличие в речи, наряду с синтаксическими кальками *я беру русский язык в школе, он имеет брата*, можно рассматривать как первый этап пиджинизации.

В то время как по обе стороны океана английские заимствования легко проникают в русский язык в контактных областях, будь то популярная культура, бизнес или информационные технологии, над литературой и интернетом доминируют креативная функция и социальный престиж. Смешанное словообразование вызывает наибольший интерес у любителей языковой игры (книги *Духless* С. Минаева, *Любофф/он* О. Робски). Так же как и в данных примерах, в речи эмигрантов префиксальные и суффиксальные образования с заимствованными английскими корнями, как правило, являются окказионализмами.

Редкие примеры устойчивых образований: *двубедрумный* (bedroom – спальня), *велферщик* (welfare – пособие) и *турка* (искаженное *turkey* «индюшка»), понятны только в пределах данного социума. Немчинова [9] указывает на смешение с использованием уменьшительных форм *бейби-чик* (ребенок), глаголов разового действия *дроп-нуть* (уронить), *лайк-нуть* (понравиться), *хаг-нуть* (обнять), сравнительных форм *по-изи-е* (легче), *по-брайт-нее* (светлее), глагольных образований *до-плей-ать* (играть), *на-парфюм-илась* (духи). Подобные окказионализмы указывают, скорее, на осознанное использование правил грамматики и словообразования, чем на их утрату.

Наличие «ложных друзей переводчика» приводит к образованиям, типа *перелистать* – составить список (list), *фиксировать* – чинить (fix), *магазинчик* – журнальчик (magazine), и т. п. Подобные примеры семантического сдвига, наряду с упомянутыми синтаксическими кальками, представляют собой более серьезную проблему, чем все вышеперечисленные примеры.

Безусловно, стремясь интегрироваться в американское общество, значительная часть потомков эмигрантов утратит язык, а те, кому удастся сохранить его, будут говорить на американском варианте русского, не всегда понятном другим группам носителей языка. Со стороны лингвистов было бы непростительной ошибкой рассматривать возникающие региональные и этнические варианты русского как отход от нормы, не представляющий интереса для академических исследований. И здесь имеет смысл обратиться к опыту другого мирового языка – английского.

Понятие *мировой (международный, общий) английский* относится не столько к конкретному варианту английского, принятому за стандарт, будь то британский, американский или южноафриканский, а, скорее, к концепции английского как глобального средства общения. Данная концепция включает не только «легитимные» стандартизированные варианты, но фактически все варианты английского, которые развиваются во всем мире, зачастую независимо друг от друга, и не только коренных носителей языка, но всех, кто в той или иной мере пользуется данным языком. Предпринимаемые попытки унификации и выработки понятия единого стандартного английского служат, скорее, языковым снобам, чем практикам. Английский и американский варианты равноправны и признаны во всем мире (при этом большинство англоговорящего населения проживает в Индии).

При этом не следует думать, что мировой статус американского английского устраняет все проблемы внутри страны. В Соединенных Штатах, где сами понятия официального языка и языковой политики фактически отсутствуют, сторонники мультикультурализма ратуют за признание языка афроамериканцев в качестве равноправного языка. Данное движение возникло преимущественно в либеральной университетской среде как ответная реакция на тезис, что язык афроамериканцев – не более чем испорченный вариант «нормального американского английского». К примеру, в настоящее время трудно представить, что суржик в Украине даже при наличии соответствующих академических исследований сможет реально рассматриваться и использоваться в педагогических целях. Между тем суржик уже давно стал реальностью, отраженной в литературе и искусстве, и регулярно используется в повседневном общении значительным числом жителей Украины, для которых и литературный украинский, и литературный русский являются не более чем абстракцией.

Нейтральность мирового английского привлекает издателей и журналистов, поскольку снимает необходимость адаптации публикуемых материалов для различных регионов [6]. В академических кругах английский также тяготеет к нейтральности и стремится к формальной передаче информации, сводя креативность в языке к минимуму. Эти же критерии привлекают учителей английского, уставших следовать за последней модой.

Теория присвоения (*appropriation theory*) Д. Шпихтингера [14] утверждает, что в мире английский перестает напрямую ассоциироваться с западной культурой и используется в местных целях, нередко далеких от западных ценностей. Во время недавней серии революций в арабском мире программы новостей неоднократно показывали, как участники демонстраций протеста несут плакаты на английском языке. Таким образом, стремление быть услышанными в мире оказывалось сильнее антиамериканских настроений.

Однако для подавляющего большинства исследователей понятие мирового английского неотделимо от понятия империализма, будь то колониализм викторианской Англии, или американский культурный империализм XX века [11]. Сама метафора «культурный империализм» неизбежно несет негативные коннотации и присуща, скорее, инвективам, чем академическому дискурсу. Понимаемый как доминирование одной культуры над другой за счет экономического или технологического превосходства, культурный империализм может рассматриваться как целенаправленная политика государств, нацеленных на экспансию, но в то же время может означать добровольное принятие норм и ценностей другой культуры. Если электронный империализм международных корпораций представляет собой реальную экономическую угрозу, то консюмеризм вряд ли стоит считать внешним фактором, не присущим тому или иному народу изначально. Если англоязычные новости представляют определенную политическую позицию, то им-

порт образцово политкорректной диснеевской продукции, как правило, несет общечеловеческие ценности.

К сожалению, приходится признать, что представители славянских народов в США, владеющие русским языком, предпочитают общаться с русскими по-английски и упоминают свое знание русского языка только если это повышает их шансы получить работу. Здесь сказывается распространенное восприятие русского языка как формы культурного империализма. Сходное отношение к русскому препятствует его утверждению как полноправного средства общения на постсоветском пространстве. В то же время английский язык воспринимается как ключ к успеху, а не как орудие культурного империализма. Каждое из подобных влияний может рассматриваться не только как угроза, но и как способ обогащения культурной идентичности исконного народа.

Библиографические ссылки

1. **Леонтович О.** Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения / О. Леонтович. – М. : Гнозис, 2005. – 352 с.
2. **Тер-Минасова С. Г.** Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
3. **Пустовойт И. В.** Роль русского языка в формировании содружества независимых эмигрантов / И. В. Пустовойт // Русский язык в странах СНГ и Балтии. – М. : Наука, 2007. – С. 221–227.
4. **Пустовойт И. В.** Лексическая интерференция в русскоязычной диаспоре США / И. В. Пустовойт // Русский язык и литература : проблемы изучения и преподавания / под ред. Л. А. Кудрявцевой. – К., 2009. – С. 91–94.
5. **Andrews D.** Sociocultural perspectives on language changing in diaspora: Soviet immigrants in the United States. – Philadelphia, 1998.
6. **Crystal D.** English as a Global Language. – Cambridge UP, 1997.
7. **Kaplan R.** The Return of Toxic Nationalism // The Wall Street Journal. – December 24, 2012, A13.
8. **Mithun M.** The incipient Obsolence of polysynthesis: Cayuga in Ontario and Oklakhoma // In Investigating obsolete science: Studies in Language contraction and death / Ed. by N. Dorian. – Cambridge, 1989. – PP. 243–258.
9. **Nemchinova K.** Code-Switching at the Word Level in Russian-English Bilingual Children. American Association of Teachers of Slavic and East European Languages. – New Orleans, LA, December 2001.
10. **Olmsted H.** American interference in the Russian language of the third wave emigration: Preliminary notes // Folia Slavica. – 1986. – № 8. – PP. 91–127.
11. **Phillipson R.** Linguistic Imperialism. – Oxford UP, 1992.
12. **Polinski M.** Russian in the US: An endangered language // In Russian in contact with other languages, Ed. by S. Romaine and P. Trudgill. – Oxford, 1994.
13. **Simon R. and J. Simon.** Research Report: Some Aspects of the Socio-Cultural Adjustment of Recent Soviet Immigrants to the United States // Ethnic and Racial Studies. – 1982. – № 5/4. – PP. 533–541.
14. **Spichtinger D.** The Spread of English and Its Appropriation // A Global, a European and an Austrian Perspective : Magister Thesis. – University of Vienna, 2000.
15. **Weinreich, U.** Languages in contact, findings and problems. – New York, 1953.

Надійшла до редколегії 18.02.13